

Дети блокадного Ленинграда

Александр Фадеев в путевых заметках "В дни блокады" писал: "Дети школьного возраста могут гордиться тем, что они отстояли **Ленинград** вместе со своими отцами, матерями, старшими братьями и сестрами. Великий труд охраны и спасения города, обслуживания и спасения семьи выпал на долю ленинградских мальчиков и девочек. Они потушили десятки тысяч зажигалок, сброшенных с самолетов, они потушили не один пожар в городе, они дежурили морозными ночами на вышках, они носили воду из проруби на Неве, стояли в очередях за хлебом... И они были равными в том поединке благородства, когда старшие старались незаметно отдать свою долю младшим, а младшие делали то же самое по отношению к старшим. И трудно понять, кого погибло больше в этом поединке".

Когда замкнулось блокадное кольцо, в Ленинграде оставалось помимо взрослого населения 400 тысяч детей – от младенцев до школьников и подростков. Естественно, их хотели сберечь в первую очередь, стремились укрыть от обстрелов, от бомбежек. Всесторонняя забота о детях и в тех условиях была характерной чертой ленинградцев. И она же давала особую силу взрослым, поднимала их на труд и на бой, потому что спасти детей можно было только отстояв город.

У них было особое, опаленное войной, блокадное детство. Они росли в условиях голода и холода, под свист и разрывы снарядов и бомб. Это был свой мир, с особыми трудностями и радостями, с собственной шкалой ценностей. Откройте сегодня монографию "Рисуют дети блокады". Шурик Игнатьев, трех с половиной лет от роду, 23 мая 1942 года в детском саду покрыл свой листок беспорядочными карандашными каракулями с небольшим овалом в центре. «Что ты нарисовал!» – спросила воспитательница. Он ответил: "Это война, вот и все, а посередине булка. Больше не знаю ничего". Они были такими же блокадниками, как взрослые». И погибали так же.

Единственной транспортной магистралью, связывающей город с тыловыми районами страны, стала "Дорога жизни", проложенная через Ладожское озеро. За дни блокады по этой дороге с сентября 1941 года по ноябрь 1943 года удалось эвакуировать 1 миллион 376 тысяч ленинградцев, в основном женщин, детей и стариков. Война разбросала их по разным уголкам Союза, по-разному сложились их судьбы, многие не вернулись обратно.

Вспоминая об этих невыносимо тяжелых днях, ленинградка Кена Петровна Черная не могла сдержать слезы. "Мне было всего четыре года, – говорила она, – когда началась война, я помню как пыталась спрятаться под столом во время артобстрелов и бомбежек и ждала маму, а мама приходила и говорила: "Хлеба нет, машину с хлебом разбомбили". И так каждый день. А в апреле 1942 года нам объявили эвакуацию на "Большую землю". Все проходило строго по законам военного времени. Нас сопровождали люди с оружием. Не допускалась никакая

демократия. С собой не разрешалось брать никаких вещей, кроме кружки, ложки и документов.

По льду Ладожского озера мы ехали в кузове грузовой автомашины. Вокруг, куда не помотришь, до самого горизонта простирались снежные поля. Сильный ветер с мокрыми хлопьями снега пронизывал почти насквозь. Мы – дети прижимались к родителям, так было чуть-чуть теплее. Затем ехали на поезде в товарных вагонах, спали на нарах, на соломе. Питались чем придется, жмых считался деликатесом. Иногда удавалось раздобыть дрова и тогда топили печку, но тепла хватало ненадолго. Я заболела. А по правилам движения, заболевших, чтобы не распространять инфекцию, переводили в вагон-лазарет. Мама надела мне чулки, капор и понесла в этот вагон. Я помню ее дыхание, она дышала на меня, пытаясь передать мне свое тепло, чтоб я не умерла.

Вагон-лазарет оказался обыкновенным товарным вагоном, посреди которого зияло отверстие для нужд, а на соломе лежали умирающие люди. "Нет! Я не оставляю ее здесь", – сказала мама и вернулась на свое место, села у вагонной двери и всю дорогу держала меня на руках. Недалеко от Тюмени ленинградцев выгрузили. Все мы думали, что здесь дождемся конца войны и поедем обратно домой. Весна вступала в свои права, оживала природа, появилась первая зелень, в том числе крапива и лебеда, которую мы тогда употребляли в пищу. А потом пришел пароход-колесник с длинной почерневшей трубой. Всех ленинградцев погрузили на пароход и повезли на север по течению реки Иртыш. На каждой пристани строго по списку высаживали группу эвакуированных на временное поселение. Нас человек 30 высадили под Ханты-Мансийском, на диком берегу, где стояла единственная избушка бакенщика, а вдали виднелось село. Нас поселили в церкви этого села. Некоторое время жили среди икон, спали на соломе, что-то жгли, чтобы разогнать комаров. Когда спала большая вода, нашу группу рассредоточили по деревням, родители начали работать, стало намного легче".

Существование в осажденном городе было немыслимо без упорного, повседневного труда. Тружениками были и дети. Они ухитрялись так распределять силы, что их хватало не только на семейные, но и на общественные дела. Пионеры разносили почту по домам. Когда во дворе звучал горн, надо было спускаться за письмом. Они пилили дрова и носили воду семьям красноармейцев. Чинили белье для раненых и выступали перед ними в госпиталях. Город не мог уберечь детей от недоедания, от истощения, но тем не менее для них делалось все, что возможно.

Несмотря на суровую обстановку фронтового города, Ленинградский городской комитет партии и Городской Совет депутатов трудящихся приняли решение продолжать обучение детей. В конце октября 1941 г. 60 тыс. школьников 1-4 классов приступили к учебным занятиям в бомбоубежищах школ и домохозяйств, а с 3 ноября в 103 школах Ленинграда за парты сели еще более 30 тыс. учащихся 1-4 классов.

В условиях осажденного Ленинграда необходимо было связать обучение с обороной города, научить учащихся преодолевать трудности и лишения, которые

возникали на каждом шагу и росли с каждым днем. И ленинградская школа с честью справилась с этой трудной задачей. Занятия проходили в необычной обстановке. Нередко во время урока раздавался вой сирены, возвещавшей об очередной бомбежке или артобстреле. Ученики быстро и организованно спускались в бомбоубежище, где занятия продолжались. Учителя имели два плана уроков на день: один для работы в нормальных условиях, другой – на случай артобстрела или бомбежки. Обучение проходило по сокращенному учебному плану, в который были включены только основные предметы. Каждый учитель стремился проводить занятия с учащимися как можно доступнее, интереснее, содержательнее. "К урокам готовлюсь по-новому, – писала осенью 1941 г. в своем дневнике учительница истории 239-й школы К.В. Ползикова – Ничего лишнего, скупой ясный рассказ. Детям трудно готовить уроки дома; значит, нужно помочь им в классе. Не ведем никаких записей в тетрадях: это тяжело. Но рассказывать надо интересно. Ох, как это надо! У детей столько тяжелого на душе, столько тревог, что слушать тусклую речь не будут. И показать им, как тебе трудно, тоже нельзя".

Учиться в жестоких условиях зимы стало подвигом. Учителя и ученики сами добывали топливо, возили на санках воду, следили за чистотой в школе. В школах стало необычайно тихо, дети перестали бегать и шуметь на переменах, их бледные и изможденные лица говорили о тяжких страданиях. Урок продолжался 20-25 мин.: больше не выдерживали ни учителя, ни школьники. Записей не вели, так как в не отапливаемых классах мерзли не только худые детские ручонки, но и замерзали чернила. Рассказывая об этом незабываемом времени, ученики 7-го класса 148-й школы писали в своем коллективном дневнике: "Температура 2-3 градуса ниже нуля. Тусклый зимний, свет робко пробивается сквозь единственное небольшое стекло в единственном окне. Ученики жмутся к раскрытой дверке печурки, ежатся от холода, который резкой морозной струей рвется из-под щелей дверей, пробегает по всему телу. Настойчивый и злой ветер гонит дым обратно, с улицы через примитивный дымоход прямо в комнату... Глаза слезятся, читать тяжело, а писать совершенно невозможно. Мы сидим в пальто, в галошах, в перчатках и даже в головных уборах... " Учеников, продолжавших заниматься в суровую зиму 1941-1942 г., с уважением называли «зимовщиками».

К скудному хлебному пайку дети получали в школе суп без вырезки талонов из продовольственной карточки. С началом действия Ладожской ледовой трассы десятки тысяч школьников были эвакуированы из города. Наступил 1942 г. В школах, где не прекращались занятия, были объявлены каникулы. И в незабываемые январские дни, когда всё взрослое население города голодало, в школах, театрах, концертных залах для детей были организованы новогодние елки с подарками и сытным обедом. Для маленьких ленинградцев это было настоящим большим праздником.

Одна из учениц писала об этой новогодней елке: "6 января. Сегодня была елка, и какая великолепная! Правда, я почти не слушала пьесы: все думала об обеде. Обед был замечательный. Дети ели медленно и сосредоточенно, не теряя ни крошки. Они знали цену хлебу, на обед дали суп-лапшу, кашу, хлеб и желе,

все были очень довольны. Эта елка надолго останется в памяти". Были и новогодние подарки, о них так вспоминал участник блокады П.П. Данилов: "Из содержимого подарка мне запомнились конфеты из льняного жмыха, пряник и 2 мандарина. По тому времени это было очень хорошее угощение".

Для учащихся 7-10-х классов елки были устроены в помещениях театра драмы им. Пушкина, Большом драматическом и Малом оперном театрах. Сюрпризом было то, что во всех театрах было электрическое освещение. Играли духовые оркестры. В театре драмы им. Пушкина был дан спектакль "Дворянское гнездо", в Большом драматическом – "Три мушкетера". В Малом оперном театре праздник открылся спектаклем "Овод".

А весной у школьников началась "огородная жизнь". Весной 1942 года в опустевшие, обезлюдившие цехи предприятий пришли тысячи детей и подростков. В 12-15 лет они становились станочниками и сборщиками, выпускали автоматы и пулеметы, артиллерийские и реактивные снаряды. Чтобы они могли работать за станками и сборочными верстаками, для них изготавливали деревянные подставки. Когда в канун прорыва блокады на предприятия стали приезжать делегации из фронтовых частей, бывалые солдаты глотали слезы, глядя на плакатики над рабочими местами мальчишек и девчонок. Там было написано их руками: "Не уйду, пока не выполню норму!"

Сотни юных ленинградцев были награждены орденами, тысячи – медалями **«За оборону Ленинграда»**. Через всю многомесячную эпопею героической обороны города они прошли как достойные соратники взрослых. Не было таких событий, кампаний и дел, в которых они не участвовали. Расчистка чердаков, борьба с "зажигалками", тушение пожаров, разборка завалов, очистка города от снега, уход за ранеными, выращивание овощей и картофеля, работа по выпуску оружия и боеприпасов – всюду действовали детские руки. На равных, с чувством исполненного долга встречались ленинградские мальчишки и девочки со своими сверстниками – "сыновьями полков", получившими награды на полях сражений.